

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-8-15>

Редакционная статья / Editorial article

In this issue

В этом номере

David L. Brandenberger^a, Peter A. Blitstein^b

^a University of Richmond; 28 Westhampton Way, Richmond VA 23173 USA;
dbranden@richmond.edu

^b Lawrence University; 711 E Boldt Way, Appleton, WI 54911 USA;
peter.a.blitstein@lawrence.edu

Дэвид Бранденбергер^a, Питер Блитстейн^b

^a Университет Ричмонда; VA 23173, США Ричмонд Уэстхемптон Уэй, 28;
dbranden@richmond.edu

^b Университет Лоренс; WI 54911, США, Эпплтон, Болдт Вэй, 711 Е;
peter.a.blitstein@lawrence.edu

The study of the Soviet Union as a multinational state and society has made considerable strides since 1991, a consequence of the availability of new archival sources, the careful work of Russian scholars at the center and in the regions, and the contributions of Western specialists. As the articles published in this issue attest, the range of themes and theoretical and methodological approaches are such that it is difficult to categorize all of this work together. Broadly speaking, however, we can divide the work presented here into two clusters – that which seeks to understand developments in the Soviet Union as a whole (Blitstein, Brandenberger, Kaplan) and that which traces developments in particular republics and regions (Kamenskikh, Almaev, Uvarov, Seay). Burnasheva and Ignat’eva’s piece reveals the ways in which these two possibilities might be fruitfully joined through the study of one individual.

Mikhail S. Kameskikh’s article on the formation of the Komi-Permiak Autonomous Region reveals a story that is consistent with research on other regions of the Soviet Union in its early years. The establishment of national regions and republics, and their boundaries, were the site of fierce political struggle between advocates of nationality policy and other, primarily regional economic, interests, which the author describes as “cynical and uncompromising.” Here the center played a mediating role and, perhaps because of its weakness in the early 1920s, could not always make its impact felt. What is especially notable in Kamenskikh’s research is the fact that authorities in the Komi region itself

© Бранденбергер Д.Л., Блитстейн П.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

strongly supported the formation of a distinctive Komi-Permiak region, an intervention which would have been unacceptable later in the decade, let alone the 1930s.

Rustam Z. Almaev picks up on themes discussed in Kamenskikh's article in order to examine the flip-side to Soviet nationality policy and indigenization – the national purges that struck non-Russian regions between 1937 and 1938. Almaev notes that charges of “bourgeois nationalism” were common in Bashkiria during these years within the sphere of education for three reasons. First, teachers and education officials were targeted for advancing the teaching of the Bashkir language, literature and culture at the expense of the Russian language, literature and culture. This occurred at a time when emphasis on Russian-language instruction, and Russocentrism generally, was on the rise. Second, Bashkir party members, representatives of the intelligentsia and others were denounced for past association with local political organizations associated with the Jadid movement or Sultan Galiev, charges consistent with developments in other national republics and regions. Third, many local party and state officials were charged with “bourgeois nationalism” for otherwise unremarkable administrative transgressions, which usually amounted to generic abuse of authority or a failure to meet plan targets. In other words, in each case, close attention to the charges reveals that none of the alleged infractions were either “bourgeois” or “nationalist,” per se, and only a fraction were linked in any way to actual violations of Soviet nationality policy. “Bourgeois nationalism” instead became a code word for regional, non-Russian deviation from central party and state diktat.

At first glance, Sergei N. Uvarov's study of family and marriage patterns in Udmurtia between the 1939 and 1959 censuses, might not seem clearly connected to our themes. Relying on census data, including unpublished archival materials, he discovers both the expected – a significant impact of the Great Patriotic War on all demographic indicators, the growing disparities between rural and urban families – and the perhaps unexpected increase in births outside of marriage; given the fact the Udmurt population remained more rural at this time, this might be a notable fact worth further attention. His work reminds us both that long-term trends affected all nationalities, and that the War itself did.

Nicholas Seay's article on the first two generations of Tadjik writers is the one piece of this first group that examines a nation outside the Russian Federation and represents, with Isabelle Kaplan's article, a focus on the arts and culture. In some ways, the story of the emergence of a Tadjik literary intelligentsia is unusual in the Soviet context, in that it required the invention of a new identity and the support of a writer – Lahuti – who was Iranian and internationalist, rather than Central Asian, per se. Yet it is also consistent with a more typical Soviet story in which the second generation of the republican intelligentsia, which was raised by Soviet power, produced (or, was required to produce) national cultures which were bounded and autochthonous. Only Tadjik, rather than “Irano-Tadjik,” literature would fit into the model of a Friendship of Peoples that was bounded by the Soviet state.

According to Isabelle Kaplan, the USSR's commitment to the Friendship of the Peoples was epitomized by the dekady of national art that stretched from 1936–1940. These 10-day events, celebrating everything from Ukrainian to Azerbaijani culture, contributed in Kaplan's view simultaneously to the cause of Soviet unity and diversity. First, the dekady hybridized the Soviet cultural scene and contributed to internationa-

list nation-building efforts by bringing republican culture to Moscow and the all-union press. Second, the dekady demonstrated the persistence of Soviet priorities oriented around ethnic differentiation and the Friendship of the Peoples by staging the dekady's celebration of the non-Russian arts in unapologetically vernacular forms. Ultimately, the stress that the party leadership placed on the dekady indicates to Kaplan that the party leadership spent the last years before the war reiterating its commitment to internationalist values to a degree previously unappreciated in the scholarship.

According to Peter Blitstein, Soviet interwar nationality policy is best assessed in comparative context, insofar as the USSR confronted the challenges of ethnographic and cultural diversity alongside the rest of the industrial and developing colonial world at the outset of what is often called the era of mass politics. He notes that such comparative analysis yields intriguing results, especially if examined over time. When the USSR is considered in relation to other states in Eastern Europe, Soviet nationality policy appears during the 1920s to have stressed diversity and the promotion of minority identities at a time when many of the USSR's neighbors were pursuing nationalizing policies at the expense of minority populations. That said, such Soviet policies of ethnic differentiation should be seen as distinct from similar British and French colonial policies, which also stressed ethnographic, cultural and racial differences, insofar as the Soviet leadership intended the USSR to function as an integral, unified state rather than an empire. Toward the end of the interwar period, these Soviet tendencies toward the creation of a more integral, unified state led the USSR to embrace policies that were increasingly more reminiscent of its East European neighbors, although more nationalizing in form and function than actually nationalist.

In *RUDN Journal of Russian History's* interview with David Brandenberger about the second Russian edition of his book, *Stalinist Russocentrism*, he discusses his analysis of the USSR's "search for a usable past" under Stalin. He argues that between the 1930s and the 1950s, the party leadership sought to improve the USSR's capacity to mobilize its population for industrialization and war. Tracing a series of shifts in official propaganda campaigns during the interwar period, Brandenberger explains how a series of false starts and failures led the USSR to co-opt heroes, myths and legends from pre-revolutionary Russian history in the name of popular mobilization. Focusing on an apparent about-face from Marxist internationalism to Russian nationalism, he examines the nature of this official russocentrism within the party elite, its dissemination via mass culture, and the popular resonance that it elicited in society at large. An analysis of mobilizational propaganda, rhetoric and sloganeering, *Stalinist Russocentrism* also illustrates the key role that this coup played in the formation of Russian national identity at midcentury.

It is interesting to note how Blitstein and Brandenberger differ in their analysis of the russification of the USSR during the 1930s. Blitstein understands the emergence of russocentrism as part of a long-term modulation in Soviet nationality policy that began with early endorsement of ethnographic differentiation before shifting toward russification in language, schooling and cultural policy. Extending the work of other historians such as Yuri Slezkine, Francine Hirsch, and Terry Martin, Blitstein suggests that this nationalization was a broad, unified, long-term program of administrative centralization that at its core aimed to extend the reach of the modern state. Brandenberger,

by contrast, sees the russification of Soviet propaganda and self-representation to be a more contingent policy development linked to the politics of social mobilization rather than to the more institutional contours of nationality policy. In Brandenberger's view, russocentrism in Soviet propaganda and self-representation was not inherently connected to russification in language and educational policy and was much more of an ad hoc exigency than the administrative reforms that Blitstein and others detail.

The relationship between the pieces by Blitstein, Brandenberger and Kaplan is also worthy of mention. Kaplan argues in her piece that the dekady celebrating non-Russian republican culture testify to a continuing commitment to internationalism and ethnic differentiation in Soviet nationality policy toward the end of the interwar period. Her work harmonizes well with that of Blitstein, insofar as he too sees the USSR as capable of maintaining a commitment to ethnic diversity between 1936–1940 despite the increasing priority afforded to russification in other areas. For Brandenberger, Kaplan's dekady are indicative of something else entirely – the newly tokenistic Orientalization of non-Russian culture in the USSR during a period of increasing russocentric ascendancy. Russocentrism, in Brandenberger's mind, linked Stalinist state and society to the prerevolutionary political, cultural and artistic accomplishments of the Russian people and reduced the non-Russian contribution to Soviet culture to an ornamental one – in this case, the dekady – stripped of its political history and independent trajectory. How and whether this Orientalization could be compatible with the celebration of ethnic differences emphasized by Kaplan and Blitstein would be a problem for the postwar decades.

How to bridge the distance between all-union studies like those of Blitstein, Brandenberger, and Kaplan, with work on the individual nations of the Soviet Union remains a thorny problem for studies of the multiethnic Soviet Union. Natalia N. Burnasheva and Vanda B. Ignat'eva's article on M.K. Ammosov represents one possible answer to this problem. Ammosov was one of the few non-Russian Communist officials to be posted outside of their home region in this period, and his impact on the history of Kazakhstan is especially notable. Readers will decide for themselves whether Ammosov should be credited with developing a distinctive approach to Soviet regional economic development in tension with the central planning favored by the Stalinist state. Yet Burnasheva and Ignat'eva's focus on a notable individual should be seen as a possible model for fruitful research on the Friendship of Peoples that takes into account the particularities of individual nations of the Soviet Union.

RUS

Изучение Советского Союза как многонационального государства и общества успешно развивается с 1991 г., что является следствием доступа исследователей к новым архивным источникам, тщательной работы российских ученых, как в центре, так и в регионах, и вклада западных специалистов. Как свидетельствуют статьи, опубликованные в этом выпуске, спектр тем и теоретико-методологических подходов таков, что все эти работы трудно объединить в одну категорию. Однако в целом мы можем разделить представленные работы на две группы: те исследова-

ния, в которых авторы стремятся осмыслить события в Советском Союзе в целом (П. Блитстейн, Д. Бранденбергер, И. Каплан), и те, которые рассматривают события в отдельных республиках и регионах (М.С. Каменских, Р.З. Алмаев, С.Н. Уваров, Н. Си). Статья Бурнашевой и Игнатъевой указывает на то, как эти две возможности могут быть плодотворно объединены путем изучения отдельной личности.

Статья М.С. Каменских о формировании Коми-Пермяцкого автономного округа раскрывает историю, которая согласуется с исследованиями других регионов Советского Союза в первые годы его существования. Создание национальных регионов и республик и их границ находилось в центре ожесточенной политической борьбы между сторонниками советской национальной политики и другими представителями, прежде всего региональных экономических интересов, которые автор называет «циничными и бескомпромиссными». Здесь центр сыграл посредническую роль и, возможно, из-за своей слабости в начале 1920-х гг. его воздействие не всегда было ощутимым. Особенно примечательным в исследовании Каменских является тот факт, что власти самого региона Коми решительно поддержали формирование отдельного Коми-Пермяцкого региона; эта мера была бы неприемлемой позднее, во второй половине десятилетия, не говоря уже о 1930-х гг.

Р.З. Алмаев затрагивает темы, поднятые в статье Каменских, рассматривая обратную сторону советской национальной политики и коренизации – национальные чистки, поразившие национальные регионы в период с 1937 по 1938 гг. Алмаев отмечает, что в эти годы обвинения в «буржуазном национализме» в Башкирии в сфере образования были обычным делом по трем причинам. Во-первых, учителя и работники образования были нацелены на развитие преподавания башкирского языка, литературы и культуры за счет русского языка. Это произошло в то время, когда в целом возрастал акцент на русскоязычном обучении и руссоцентризме. Во-вторых, башкирские коммунисты, представители интеллигенции и другие были осуждены за сотрудничество в недавнем прошлом с местными политическими организациями, связанными с движением джадидов или Султаном Галиевым. Подобные обвинения были сопоставимыми с событиями в других национальных республиках и регионах. В-третьих, многие местные партийные и государственные чиновники были обвинены в «буржуазном национализме» за иные, ничем не примечательные административные нарушения, которые обычно сводились к общему злоупотреблению властью или неспособности достичь плановых показателей. Другими словами, в каждом случае пристальное внимание к обвинениям указывает на то, что ни одно из предполагаемых действий не было само по себе «буржуазным» или «националистическим»; лишь небольшая их часть была каким-либо образом связана с фактическими нарушениями советской национальной политики. Вместо этого «буржуазный национализм» стал кодовым словом для регионального, нерусского отклонения от партийного и государственного диктата.

На первый взгляд, исследование С.Н. Уварова по моделям семьи и брака в Удмуртии в период между переписями 1939 и 1959 гг. может показаться не совсем связанным с нашими темами. Опираясь на данные переписей и включая неопубликованные архивные материалы, автор обнаруживает как ожидаемое – значи-

тельное влияние Великой Отечественной войны на все демографические показатели, растущее неравенство между сельскими и городскими семьями – так и, возможно, неожиданное увеличение рождаемости вне брака; учитывая то, что в это время удмуртское население оставалось в значительной степени сельским – и это может быть примечательным фактом, заслуживающим дальнейшего внимания исследователей. Данная статья напоминает нам о том, что долгосрочные тенденции затронули все национальности и что сама война имела тот же эффект.

Статья Николоса Сиия о первых двух поколениях таджикских писателей относится к той группе, которая исследует нацию за пределами РСФСР, и наряду со статьей И. Каплан делает акцент на искусстве и культуре. В некотором смысле история появления таджикской литературной интеллигенции необычна в советском контексте, так как она требовала создания новой идентичности и поддержки писателя Лахути, который был иранцем и интернационалистом, а не представителем Центральной Азии как таковой. Однако это также согласуется с более типичной советской историей, в которой второе поколение интеллигенции республики, воспитанной советской властью, произвело (или должно было произвести) национальную культуру, которая была ограниченной и автохтонной. Только таджикская, а не «ирано-таджикская» литература могла бы вписаться в модель дружбы народов в границах советского государства.

В статье Изабель Каплан показано, как приверженность СССР дружбе народов была воплощена в декадах национального искусства на протяжении 1936–1940 гг. Эти декады (10-дневные мероприятия), посвященные всем культурам – от украинской до азербайджанской – способствовали, по мнению автора, делу укрепления советского единства и одновременно сохранения национального многообразия. Во-первых, декады создали гибрид советской культурной сцены и внесли свой вклад в усилия интернационалистов по национальному строительству, привнося республиканскую культуру в Москву и общесоюзную прессу. Во-вторых, декады продемонстрировали сохранение советских приоритетов, ориентированных на этническую дифференциацию и дружбу народов, организовав празднование декад нерусского искусства в чисто национальной форме. В конечном счете те надежды, которые партийное руководство возлагало на декады культуры, свидетельствуют о том, что и в последние годы перед войной оно подтверждало свою приверженность интернационалистским ценностям до той степени, которая ранее недооценивалась в исторической науке.

Статья Питера Блитстейна посвящена советской межвоенной национальной политике, которая, по мнению автора, лучше всего оценивается в сравнительном контексте, поскольку СССР в рассматриваемый период столкнулся с проблемами этнографического и культурного многообразия наряду с остальным индустриальным и развивающимся колониальным миром в начале того, что часто называют эпохой массовой политики. П. Блитстейн отмечает, что такой сравнительный анализ дает интригующие результаты, особенно если проводить его с течением времени. Если рассматривать СССР в сравнении с другими государствами Восточной Европы, то его национальная политика в течение 1920-х гг. демонстрировала многообразие и продвижение идентичности меньшинств в то время, как многие

соседи СССР проводили политику национализации за счет меньшинств. При этом данная советская политика этнической дифференциации должна рассматриваться, по мнению автора, как отличная от аналогичной британской и французской колониальной политики, в которой также подчеркивались этнографические, культурные и расовые различия, поскольку советское руководство предполагало, что СССР будет функционировать как целостное, единое государство, а не как империя. К концу межвоенного периода эти тенденции в национальной политике СССР, направленные на создание более целостного, объединенного государства, заставили советское руководство принять модель, которая все больше напоминала политику его восточноевропейских соседей, хотя и была национальной по форме и функциям, но не националистической.

В интервью журналу «Вестник РУДН. Серия: История России» о втором русском издании своей книги «Сталинский руссоцентризм» Дэвид Бранденбергер рассказывает об анализе «поиска полезного прошлого» СССР при Сталине. Он утверждает, что в период с 1930-х по 1950-е гг. руководство партии стремилось улучшить способность СССР мобилизовать население для индустриализации и подготовки к войне. Проследивая серию изменений в официальных пропагандистских кампаниях в межвоенный период, Бранденбергер объясняет, как череда неуспешных начинаний и неудач привела СССР к объединению героев, мифов и легенд из дореволюционной российской истории во имя народной мобилизации. Сосредоточив внимание на коренном изменении курса от марксистского интернационализма к русскому национализму, ученый исследует природу официального руссоцентризма внутри партийной элиты, его распространение через массовую культуру и общественный резонанс, который он вызвал в обществе в целом. Анализ мобилизационной пропаганды, риторики и лозунгов сталинского руссоцентризма также иллюстрирует ключевую роль, которую этот переворот сыграл в формировании русской национальной идентичности в середине века.

Интересно отметить, как авторы П. Блитстейн и Д. Бранденбергер отличаются в своем анализе политики русификации СССР в 1930-е гг. Блитстейн понимает появление руссоцентризма как часть долгосрочных изменений в советской национальной политике, которая началась с быстрого одобрения этнографической дифференциации, прежде чем произошел переход к русификации в языковой, школьной и культурной политике. Развивая идеи, заложенные в работах таких историков, как Ю. Слезкин, Ф. Хирш и Т. Мартин, П. Блитстейн предполагает, что эта национализация была широкой, единой, долгосрочной программой административной централизации, которая по своей сути была направлена на расширение охвата современного государства. Д. Бранденбергер, напротив, рассматривает русификацию советской пропаганды и самопредставления как более условное развитие политики, связанное с политикой социальной мобилизации, а не с более институциональными контурами национальной политики. По мнению Бранденбергера, руссоцентризм в советской пропаганде и самопредставлении по своей сути не был связан с русификацией в языковой и образовательной политике и был гораздо более специфичной задачей, чем административные реформы, которые Блитстейн и другие зарубежные авторы подробно описывают.

Заслуживает упоминания и связь между работами Блитстейна, Бранденбергера и Каплан. Каплан в своей статье утверждает, что декады, прославляющие нерусские республиканские культуры, свидетельствуют о неизменной приверженности интернационализму и этнической дифференциации в советской национальной политике в конце межвоенного периода. Ее работа хорошо согласуется с работой Блитштейна, поскольку он также считает, что СССР был способен сохранять приверженность этническому разнообразию в период с 1936 по 1940 гг., несмотря на растущий приоритет, придаваемый русификации в других областях. По мнению Бранденбергера, декады в работе Каплан свидетельствуют о чем-то совершенно другом – о новой символической ориентализации нерусской культуры в СССР в период нарастающего руссоцентрического господства. Руссоцентризм, по мнению Бранденбергера, связывал сталинское государство и общество с дореволюционными политическими, культурными и художественными достижениями русского народа и сводил вклад нерусских народов в советскую культуру к некому декоративному моменту (в данном случае к декадам), лишенному политической истории и самостоятельной траектории. Каким образом и может ли эта ориентализация быть совместимой с прославлением этнических различий, подчеркнутых Каплан и Блитштейном, является проблемой в послевоенные десятилетия.

Как преодолеть расстояние между исследованиями всего СССР, предпринятыми Блитстейном, Бранденбергером и Каплан, и работами по отдельным народам Советского Союза? Ответ на данный вопрос остается сложной проблемой для изучения истории многонационального СССР. Статья Н.Н. Бурнашевой и В.Б. Игнатьевой о М.К. Аммосове предоставляет лишь одну возможность. Аммосов был одним из немногих нерусских партийных чиновников, которые находились за пределами своего региона в этот период, и его влияние на историю Казахстана особенно заметно. Читатели сами решат, следует ли отдать должное Аммосову за разработку особого подхода к советскому региональному экономическому развитию в противовес центральному планированию, одобренному сталинским государством. И все же внимание Бурнашевой и Игнатьевой к известному человеку следует рассматривать как возможную модель для плодотворного исследования дружбы народов, которое учитывает особенности отдельных наций Советского Союза.

Информация об авторах / Information about authors

Дэвид Бранденбергер, доктор исторических наук (PhD in History), профессор российской и советской истории кафедры истории Ричмондского университета (США); исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

David L. Brandenberger, PhD in History, Professor of Russian and Soviet History in the Department of History, University of Richmond (USA); research associate, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).

Питер Блитстейн, доктор исторических наук (PhD in History), доцент кафедры истории, Университет Лоуренса (США).

Peter A. Blitstein, PhD in History, Associate Professor of History at the Department of History, Lawrence University (USA).